

ИСТОРИЯ

Иеромонах Михаил (Чепель)

Директор НО «Благотворительный Фонд
Святителя Николая Чудотворца»,
доктор философских наук, профессор философии Международной
Лиги развития науки и образования

Некоторые аспекты влияния церковной реформы Петра I на жизнь Российского Православия

Отношение исследователей к церковной реформе, проведенной Петром I, не одинаково. Данная тема вызывает разногласия среди ученых. В попытке дать свою оценку этим неоднозначным преобразованиям автор раскрывает суть реформы, а также анализирует ее влияние на Православную Церковь в России и на религиозные настроения людей того времени.

Ключевые слова: Православие, Церковь, Российская империя, реформа, Петр I, Синод, Духовный регламент.

Епископ Феофан Прокопович, в слове на погребение Петра Великого так оценил роль императора в жизни Российского православия: «Се же твой, о и церкви Российской, и Давид и Константин. Его дело, правительство Синодальное, его попечение – пишемая и глаголемая наставления. О коликая произносило сердце сие о невежестве пути спасенного! Коликая ревности на суеверия, и лестнические притворы, и раскол гнездящийся в нас, безумный, враждебный и пагубный! Колкое же в нем и желание было и искание вящего в чине пастырском искусства, прямейшего в народе богомудрия, изряднейшего во всем исправления»[1; 230]. И в то же время многие из современников Петра считали его «царем-антихристом»...

Мнения о том, какое влияние оказала церковная реформа императора Петра I на жизнь Русской Православной Церкви, также существуют самые разные. Некоторые церковные деятели и исследователи

отмечали положительную ее сторону, указывали на то, что она является движением в сторону церковной соборности. Первым об этом говорил сам идеолог реформы епископ Феофан (Прокопович). Другая же точка зрения заключается в том, что реформа имела исключительно разрушительный для Российского Православия характер, была направлена на подчинение Церкви государству в России, при этом за основу брались образцы протестантских государств, в частности Англии, где король является и руководителем церкви.

Как писал И.К. Смолич, рассматривая оценки, которые давались петровской реформе в церковной жизни, «Феофан неоднократно подчеркивает, что Синод есть «соборное правительство» и, следовательно, больше, чем просто орган коллегиального управления. Уже в манифесте это выражение намеренно употреблено, чтобы вызвать у читающего ассоциации с церковными Соборами. В официальном учебнике

русской церковной истории 1837 г. Святейший Синод прямо именуется «непрерывным Поместным Собором». В «Истории Русской Церкви» Филарета Гумилевского говорится: «Святейший Синод по составу своему то же, что законный церковный Собор». Уже в 1815 г. Филарет Дроздов, впоследствии митрополит, предпринял попытку представить Святейший Синод как олицетворение соборного принципа древней Церкви. В его сочинении «Разговоры между испытующим и уверенным о православии Восточной католической Церкви» сомневающемуся дается разъяснение, что каждый раз, когда в какой Церкви умирал патриарх, собирался в ней Собор, а по-гречески Синод, который и занимал место патриарха. Этот Собор обладал такой же властью, как патриарх. Когда Русская Церковь получила в качестве высшей инстанции своего управления Святейший Синод, она «ближе подошла к древнему образу священноначалия» [8; 97].

А. Боханов в своей книге также рассматривает разные точки зрения не только на реформы Петра, но и на его личную религиозность: «По поводу религиозности Петра существуют разные суждения; это одна из самых неясных сторон исторического портрета этой удивительной, противоречивой во всех своих направлениях личности. Мало кто считает его неверующим; разночтения начинаются при оценке характера его веры. Специально рассматривавший эту тему Л.А. Тихомиров, заметил, что «несмотря на кощунственные пародии церковной иерархии с «князем папой» во главе – он без сомнения верил в Бога и во Христа Спасителя. Но он действительно имел сильные протестантские наклонности. Лютера он вообще ставил очень высоко. В 1712 г., перед статуей Лютера в Вартбурге, он восхвалял его за то, что «на папу и все его воинство столь мужественно наступил для величайшей пользы своего государя и многих князей». Похвала для религиозного реформатора не столь лестная, но хорошо рисующая взгляды самого Петра на Церковь».

Явная склонность русского царя к европейской рационалистической регламентации и в вопросах веры приходила в противоречие не только с исторически устоявшимися формами миропонимания, привычными для определенного, привилегированного круга, но и с народными представлениями. Как отмечал Г.В. Флоровский, «новизна Петровской реформы не в западничестве, но в секуляризации. Именно в этом реформа Петра была не только поворотом, но и переворотом». Монарх самочинно насадил «психологию переворота», инициировав подлинный русский раскол. С этого времени «изменяется самочувствие и самоопределение власти. Государственная власть самоутверждается в своем самодавлении, утверждает свою суверенную самодостаточность». Флоровский был уверен, что Петр создал «полицейское государство», что государственное попечение приобрело характер «опеки». Отныне человеческая личность стала оцениваться не с позиции нравственных качеств, а с точки зрения пригодности для «политико-технических целей и задач». Если Флоровский и не очень убедителен в частных оценках петровских преобразований, то его общий вывод о том, что царь-император внедрял в России управленческие приемы и властную психологию не просто «из Европы», а именно из протестантских стран – этот вывод представляется обоснованным.

<...> По выражению Н.М. Карамзина, замысел преобразователя сводился к тому, чтобы «сделать Россию Голландией». Данную констатацию можно признать гиперболизированной. Однако, сделанное задолго до славянофилов, заключение историографа о том, что с Петра «мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России», – нельзя не признать исторически адекватным» [3; 243-244].

В то же время, как писал И. К. Смолитч, «едва ли справедливо считать, будто религиозность Петра была проникнута духом западного рационализма. Он почитал иконы и Божию Матерь, как он признался патриарху Адриану во время процессии по

поводу казни стрельцов; он благоговейно лобызал мощи, охотно посещал богослужения, читал Апостол и пел в церковном хоре. Современникам была известна его начитанность в Библии, цитаты из которой он метко употреблял, как в беседах, так и в письмах. Феофан Прокопович замечает, что «как всеоружие (Петру – *ред.*) было изученных от Священных Писаний догматы, наипаче Павлова послания, которая твердо себе в памяти закрепил». Тот же Феофан говорит, что Петр «и в разговорах богословских и других слышати и сам не молчати не токмо, как прочие обвыкли, не стыдился, но и с охотою тщался и многих в сумнительстве совести наставлял». [8; 66-67].

Однозначно отрицательные оценки деятельности первого Российского императора в церковном вопросе дают архиепископ Серафим (Соболев) и митрополит Иоанн (Снычев). По мнению архиепископа Серафима (Соболева) «вред от противокерковных реформ Петра I не исчерпывался только тем, что протестантизм еще при нем стал сильно распространяться чрез умножение сект в русском обществе. Главное зло здесь заключалось в том, что Петр привил русскому народу протестантизм, имевший в себе самом великий соблазн и привлекательность, в силу чего он стал жить в России и после Петра. Протестантизм привлекателен тем, что, по-видимому, возвышает человеческую личность, так как дает перевес его разуму и свободе над авторитетом веры и обольщает независимостью и прогрессивностью своих начал. <...> Но и этим не исчерпывается зло, которое причинил Петр России. Русская Церковь могла бы с успехом бороться с отступлением от православной веры русских людей на почве протестантизма посредством школьного просвещения. Но Петр отнял у Церкви имущество. В силу этого просвещение русского народа не было в ведении Церкви, распространялось не на исконных исторических началах нашей православной веры, но с XIX столетия даже внедряло отрицательное отношение к вере и потому в себе таило гибель России [7; 19].

По оценке митрополита Иоанна (Снычева) «судорожная эпоха Петра, разметающая русскую старину в погоне за европейскими новшествами, сменилась господством чреды временщиков, мало любивших Россию и еще меньше понимавших неповторимые особенности ее характера и мировоззрения. <...> Православная Церковь была унижена и ослаблена: ликвидирована каноническая форма ее управления (патриархат), изъятием церковных земель подорвано благосостояние духовенства и возможности церковной благотворительности, резко сокращено количество монастырей – светочей христианской духовности и православного образования. Самодержавие как принцип правления (предполагающий религиозно осознанное отношение к власти как к церковному служению, послушанию) все более искажалось под влиянием идей западноевропейского абсолютизма» [4; 243-244].

Идею реформы церковного управления в России первый Российский император, по всей видимости, привез из Европы. «О широком интересе Петра к церковной жизни Англии не только в ее официальной, но и в ее сектантской частях, сохранилось достаточно много свидетельств. Он беседовал с самим Кентерберийским и с другими англиканскими епископами все о церковных делах. Архиепископы Кентерберийский и Йоркский назначили для Петра специальных богословов-консультантов. К ним присоединился и Оксфордский университет, назначивший консультанта со своей стороны. Вильгельм Оранский, получивший английскую корону, но воспитанный в левопротестантской духе, ссылаясь на пример родной ему Голландии и самой Англии, советовал Петру сделаться самому «главой религии», чтобы располагать полнотой монархической власти. Беседуя за границей о церковных вопросах Петр все же соблюдал большую осторожность, указывая собеседникам, что ими ведает в России высшая церковная власть. Общий вопрос о коллегиальном управлении интересовал его» [9; 548].

Как писал С.В. Пушкарев «со своим утилитарно-практическим подходом ко всем жизненным вопросам и со своим стремлением тащить всех своих подданных на работу и на службу государству Петр не сочувственно и даже неприязненно относился к монашеству, тем более что в столь нелюбимых им «бородачах» он видел или чувствовал явную или скрытую оппозицию своим реформам. С 1700 года и до конца своего правления Петр систематически предпринимал ряд мер для того, чтобы ограничить и обезвредить монашество. В 1701 году управление монастырскими и епископскими вотчинами было изъято из рук духовных властей и передано в руки светских чиновников Монастырского приказа. На содержание же монахов и монахинь была положена ежегодная «дача» деньгами и хлебом. Велено было переписать монастыри и в них всех монахов и монахинь, и впредь никого в монахи вновь не постригать без царского указа; мужчин моложе 30 лет было вовсе запрещено постригать в монахи, а на «убылые места» велено было постригать в монахи преимущественно отставных солдат, старых и нетрудоспособных. Доходы с монастырских имений должны были употребляться на нужды благотворительности [6; 257-258].

Согласно воспоминаниям А.К. Нартова, «Его императорское величество, присутствуя в собрании с архиереями, приметив некоторых усильное желание к избранию патриарха, о чем неоднократно от духовенства предлагаемо было, вынув одною рукою из кармана к такому случаю приготовленный Духовный Регламент и отдав, сказал им грозно: «Вы просите патриарха, вот вам духовный патриарх, а противомыслящим сему (выдернув другою рукою из ножен кортик и ударяя оным по столу) вот булатный патриарх!» Потом встав, пошел вон. После сего оставлено было прошение об избрании патриарха и учрежден святейший Синод.

С намерением Петра Великого об установлении Духовной коллегии согласны были Стефан Яворский и Феофан Новгородский, которые в сочинении Регламента

его величеству помогали, из коих первого определил в синоде председателем, а другого – вице-президентом, сам же стал главою церкви государства своего и некогда расказывая о распрях патриарха Никона с царем родителем его Алексеем Михайловичем, говорил: «Пора обуздать не принадлежащую власть старцу. Богу изволившу исправлять мне гражданство и духовенство. Я им обое – государь и патриарх. Они забыли, в самой древности сие было совокупно»[2; 301-302].

Как писал Н.М. Никольский, «Духовный Регламент, опубликованный 25 января 1721 года вместе с манифестом Петра, учреждал, выражаясь слогом манифеста «соборное правительство» в Церкви; на самом деле, как без всяких обиняков говорилось в Духовном Регламенте. Духовное Коллегиум, долженствовавшее отныне управлять Русской Церковью, мыслилось и было организовано в виде одной из прочих коллегий, т.е. учреждений, соответствовавших современным министерствам; тем самым новое «соборное правительство» становилось лишь одной из спиц в колесе абсолютистского государства. Новый законодательный акт был подготовлен без всякого участия Церкви, ибо, хотя составлял проект Регламента псковский епископ Феофан Прокопович, но он выполнял лишь задание Петра – учредить для управления Русской Церковью коллегию по образцу протестантских духовных консисторий [5; 192].

«Организация синода, как вскоре была наименована духовная коллегия, передает управление церковью всецело в руки государства. <...> Имея широкий простор для выбора членов синода, императорская власть не представляет такого же простора синоду в замещении свободных кафедр. Синод только «свидетельствует» перед императором кандидатов, т.е. указывает их, но императорская власть вовсе не принимает на себя обязательства назначать именно тех лиц, которых указывает синод. Правда, синод сейчас же после учреждения добился упразднения Монастырского приказа и получил все те функции, которые ранее принадлежали последнему; но зато правитель-

ство приняло сейчас же меры, чтобы административно-хозяйственное управление синода стояло под строгим оком государства. Контроль был вверен обер-прокурору синода, светскому чиновнику, названному в официальной инструкции 1722 г. «оком государя и стряпчим по делам государственным». Он, подобно обер-прокурору сената, обязан был «смотреть накрепко, дабы синод свою должность хранил и во всех делах... истинно, ревностно и порядочно без потеряния времени по регламентам и указам отправлял», «также должен накрепко смотреть, дабы синод в своем звании праведно и нелицемерно поступал». В случае упущений или нарушений указов и регламентов обер-прокурор должен был предлагать синоду, «дабы исправили»; «а ежели не послушают, то должен в тот час протестовать и иное дело остановить, и немедленно нам (императору) донести, если весьма нужное». Через обер-прокурора синод получал также все правительственные указы и распоряжения. [5; 194-195].

В принятой в советское время терминологии но, по сути в основном точно, хотя и более упрощенно, чем это было в целом в реальности, описывает Н.М. Никольский отражение синодальной реформы на епархиальных архиереях и священниках: «епархиальные архиереи, превратившиеся в духовных чиновников, и белое духовенство, в городах всецело зависевшее от архиереев, а в селах – от местных помещиков, трактованных сельских священников, как «подлый род людей» [5; 195].

«Синод представлял собой высшую административную и судебную инстанцию Русской Церкви. Ему принадлежало право открытия новых кафедр, избрания иерархов и поставления их на вдовствующие кафедры. Он осуществлял верховное наблюдение за исполнением церковных законов всеми членами Церкви и за духовным просвещением народа. Синоду принадлежало право устанавливать новые праздники и обряды, канонизировать святых угодников. Синод издавал Священное Писание и богослужебные книги, а также подвергал верховной цензуре сочинения богословского, церков-

но-исторического и канонического суждения. Он имел право ходатайствовать перед высочайшей властью о нуждах Российской Православной Церкви. Как высшая церковная судебная власть, Синод являлся судом первой инстанции по обвинению епископов в антиканонических деяниях; он также представлял собой и апелляционную инстанцию по делам, решавшимся в епархиальных судах. Синоду принадлежало право выносить окончательные решения по большей части бракоразводных дел, а также по делам о снятии сана с духовных лиц и об анафематствовании мирян. Наконец, Синод служил органом канонического общения Русской Церкви с автокефальными Православными Церквями, со Вселенским православием. В домовой церкви первенствующего члена Синода за богослужением возносились имена Восточных патриархов [10; 25].

По вопросу сношений с сенатом, Синод, в запросе императору написал, что «духовная коллегия имеет честь, силу и власть патриаршескую или едва ли не большую, понеже собор»; но Петр в 1722 году, отправляясь в персидский поход официально подчинил Синод сенату [5; 196].

«Петр не был провозвестником секулярных настроений в России; они практически существовали всегда. Но он стал первым царем, рассматривавшим «цареву службу» вне рамок «Божьего дела». В этом новом выражении государственной идеократической установки и проступала главная линия исторического разделения между Россией «до» и Россией «после» Петра. Новое «самочувствование власти» плохо, можно даже сказать, вообще не коррелировалось с традиционным государственным «самочувствованием» народной среды, что неизбежно вело, по словам Флоровского, к «поляризации душевного бытия России».

Христианский «модернизм» Петра не мог не отразиться и на внешних проявлениях священнического царского служения. В этой области он одновременно и учреждал нечто принципиально новое, и модифицировал устоявшиеся приемы. Когда в 1721 г. монарх принял титул импера-

тора, никакого церковного интронизационного ритуала в этом случае не последовало. Монарх как бы оставался раз и навсегда «поставленным царем», принявшим лишь новое обозначение. <...> Церковный же обряд венчания на царство претерпел изменения, что и сказалось при короновании супруги императора Екатерины (1684-1727) в мае 1724 г. Главное новшество состояло в том, что отныне монарх начинал играть ключевую роль в церемонии. Если раньше корону на голову коронуемому возлагал митрополит или патриарх, то теперь эта функция перешла к царю [3; 245].

По несколько упрощенной оценке архиепископа Серафима (Соболева) «в итоге противоцерковных реформ Петра в жизни русских людей получилось охлаждение к православной вере и всем внешним формам ее проявления. Умножились вольнодумцы, осуждавшие по началам протестантским, обрядность. Еще современное Петру русское образованное общество, проникаясь европейскими протестантскими взглядами, начало стыдиться своей прежней детской и простодушной религиозности и старалось скрыть ее, тем более, что она открыто с высоты престола и начальственными лицами подвергалась резкому осуждению» [7; 18-19].

Более подробно эту мысль раскрывает протоиерей Владислав Цыпин: «в петровскую эпоху начинается роковой для судеб государства раскол между высшим слоем общества и простым народом, который традиционно хранил верность заветам своих предков. <...> В ту пору одно за другим издавались распоряжения с петровско-феофановской «просветительской» направленностью, вроде указов о «всусе жегомых» церковных свечах или о «неупотреблении Святых Таин за лекарство аптекарское». Выходили и такие распоряжения, которые грубо оскорбляли народное благочестие указы против сооружения часовен, против обычая носить иконы по домам, против богатых риз, дорогих колоколов, драгоценных сосудов. Большой соблазн в народе вызывала настоящая одержимость царя разоблачением народных суеверий, под которыми

подразумевались старинные благочестивые обряды. За разглашение ложных слухов о чудесах, видениях и пророчествах он назначил тяжкую кару – вырывание ноздрей и ссылку на галеры. Хуже того, духовникам велено было доносить властям, если кто на исповеди сознается в разглашении ложных слухов о чудесах. И светские и духовные власти обязаны были преследовать народных «пророков», юродивых, кликуш. Кликуш и бесноватых было велено пытаться, пока не сознаются в притворстве. Колдунов подвергали смертной казни. «Просветительское направление» в указах Петра сочетались с самым дремучим варварством» [10; 47-49].

«Представляются не совсем исторически точными два популярных историко-философских утверждения, раскрывающие тему Царь и церковь. Первое – при Петре государство просто «мансипировалось от церкви» (И.А. Ильин). Второе – Петр «секуляризировал русское царство и приобщил его к типу западного просвещенного абсолютизма» (Н.А. Бердяев). Скорее прав Ф.А. Степун, писавший о том, что при Петре, как и раньше, «оба меча» – светский и духовный, оставались в руках верховного правителя России, но при нем лишь усиливается подчинение духовного меча светскому. По образному выражению этого философа, Петр не стремился к отделению церкви от государства, он намеревался как бы «вовлечь ее в государственный оборот». В более резкой форме схожую мысль еще в 1844 г. в своей магистерской диссертации выразил известный славянофил Ю.Ф. Самарин, считавший, что «Петр Великий понял религию только с ее нравственной стороны, во сколько она нужна для государства, и в этом выразилась его исключительность, его протестантская односторонность. С своей точки зрения, он не понимал, что такое Церковь, он просто ее не видел; ибо сфера ее выше сферы практической, и потому он поступал, как будто ее не было, отрицая ее не злоумышленно, а скорее по неведению» [3; 249-250].

Разные взгляды на проведенную императором Петром I церковную реформу

показывают ее сложность и неоднозначность. Собственные взгляды авторов, ее изучавших, оказывают решающее влияние на те выводы, которые они делают.

Сущность реформы заключалась в коренном преобразовании системы церковного управления в России. Замена Патриарха Святейшим Синодом, фактически государственным органом, члены которого должны были давать государственную присягу, превращение в чиновников епархиальных архиереев, ограничения для монашества, усложнение жизни приходского духовенства – вполне очевидные ее последствия. Во многом здесь просматривается желание взять за образец Англию, где король является главой Англиканской церкви. В условиях же того, что многие из преемников Петра Великого были чужды Православию, реформа в итоге привела к тому, что Православная Церковь в России становилась все более зависима уже не только от императора, но и от чиновников. Начало этому было положено самим Петром I, подчинившим Синод Сенату во время одного из своих отсутствий.

Реформа оказала большое влияние на церковную жизнь в России. Рационализаторский взгляд на происходившие в ней процессы, непонимание ее сути, приводило ко многим печальным последствиям, среди которых можно назвать попытки решать духовные вопросы полицейскими мерами, отход от Православия многих представителей образованной части российского общества. В то же время были сделаны серьезные шаги по развитию церковного образования, миссионерства; в то же время реформа стала началом Синодального периода, последствия и итоги которого в целом сложно оценить положительно.

Библиографический список:

Источники

1. *Феофан Прокопович. Слово на погребение Петра Великого // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Париж – Москва – Нью-Йорк, 1993. С. 225-232*

2. *Нартов А.К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Париж – Москва – Нью-Йорк, 1993. С. 247-326*

Литература

3. *Боханов А. Самодержавие. М., 2002*
4. *Иоанн (Снычев), митр. Русская симфония. СПб., 2002*
5. *Никольский Н.М. История Русской Церкви. М., 1988*
6. *Пушкарев С.Г. Обзор Русской истории. Ставрополь, 1993*
7. *Серафим (Соболев), архиеп. Русская идеология. СПб., 1992*
8. *Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700-1917. М., 1996*
9. *Тальберг Н. История Русской Церкви. М., 1997*
10. *Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. 1700-2005. М., 2007*

©Иеромонах Михаил (Чепель), 2015